

**ОБРЯДОВЫЙ СЕКСУАЛЬНЫЙ АКТ
КАК РИТУАЛ ВОССТАНОВЛЕНИЯ КОСМИЧЕСКОГО
БАЛАНСА МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ
(опыт интерпретации сюжетов Апшеронских
петроглифов II–I тыс. до н.э.)**

В восточной части Апшеронского полуострова археологической экспедицией Института Истории Национальной Академии Наук в 60-е годы прошлого века обнаружено большое количество петроглифов, датированных эпохой средней бронзы и началом эпохи железа (II- нач. I тыс. до н.э.). Ареал распространения наскальных рисунков охватывает восточную часть полуострова с селениями Шувелян, Мардакян, Тюркан, Зире, Кала и Дюбенди. В большинстве своем они обнаружены на плоских плитах курганных оградок, каменных кладках стен святилищ, на камнях кромlexов и могильных сооружениях типа «каменный ящик».

Некоторые из этих памятников разрушены, но, в последствии, вновь восстановлены. При восстановлении некоторые плиты с изображениями были поставлены неправильно, имеется даже рисунок размещенный «вниз головой». Факт восстановления святилища предполагает его важное культовое значение, сохранявшееся в течение длительного времени.

Обнаруженные петроглифы созданы методом отбивания и процарапывания, глубина их колеблется от 3-16 мм. Некоторые изображения созданы методом скульптурного отбивания фона и пластической проработки выпуклой формы и представляют собой полноценные скульптурные рельефы. Такие рельефы датируются началом эпохи железа.

Среди указанных петроглифов наибольший интерес представляют сюжетные рисунки на плитах каменной кладки святилища, обнаруженного в древнем поселении на окраине поселка Шувелян. Поселение датировано эпохой железа (первая половина I тыс. до н.э.) и получило название – Стоянка Бендюстю. Оно размещалось на круглом в плане

холме, высотой в 2 м и диаметром примерно 70 м. Обнаруженное в центре поселения прямоугольное святилище отличается от круглых и овальных в плане строений, являвшихся жилищами. Святилище ориентировано по оси Север-Юг и имело размеры 3х5.7 м.

В кладке стен святилища обнаружены плоские камни с изображениями животных, а также человеческие изображения с реалистическими сценами группового сексуального акта. В сообщении археолога Г.Асланова, раскопавшего святилище, говорится: «От огня, горевшего долгое время в святилище, некоторые петроглифы обуглились и приобрели красновато-бурый оттенок. Другие содержат следы копоти, а прямо перед кладкой с петроглифами на земле имелся круглый очаг. Внутри помещения был обнаружен слой пепла, толщина которого в некоторых местах доходила до одного метра» [1, с. 68]. Эти сведения дают важную информацию о том, что огонь в святилище поддерживался в течение длительного времени, а возможно и постоянно.

Археологи, работавшие с этим массивом петроглифов, опубликовали свои интерпретации некоторых сюжетов. Так, например, обнаруживший их в 60-х годах прошлого века Гардашхан Асланов «обойдя вниманием» сцены сексуальных актов, интерпретировал петроглифы, где нет подобных сцен, и предположил, что общий характер сюжетов петроглифов Мардакян и Шувелян указывает на распространенность в это время обрядов человеческого жертвоприношения [2, с. 131-134].

Археолог Идрис Алиев, обследовавший курганы и древние поселения Апшерона во второй половине 80-х годов прошлого века, не затрагивает упоминаемые сюжеты в своей диссертации. И лишь через 17 лет (начало 2000-х годов) он вскользь и весьма обобщенно высказал свою версию о содержании этих сюжетов. Исходя из гипотезы об имевших место в начале I тыс. до н.э. культурных связях Южного Кавказа с Передней Азией, он обозначил эти сцены как отражение сюжета шумерского мифа о «Священном браке» между богом пастухов – Думузи и богиней любви и плодородия – Инанной [3, с. 72-73].

В целом надо сказать, что создается впечатление, что на научное изучение обнаруженных более чем полстолетия тому назад петроглифов с сексуальными сценами было наложено негласное табу. Отсутствие в советские годы всяких попыток анализа истоков содержания и формы, характера, роли и места изображенных сцен в идеологии и обрядовой

практике древних, не предпринималось в угоду моральной идейности советской науки. Позже, вплоть до 2000-х годов, это табу по-прежнему сохранялось, но уже из-за ложных опасений дискредитации этнической истории и традиционных духовных ценностей общества, чье прошлое они, несомненно, отражают. Камни с петроглифами на данный момент находятся в Историко-этнографическом музейном комплексе «Гала».

Содержание обнаруженных петроглифов шокирует своей откровенностью, а их реалистическая форма свидетельствует об однозначности, предельной ясности и недвусмысленности изображенного действия.

Сцена сексуального акта трижды изображена на одном камне, причем в двух из них изображен гомосексуальный акт, а в третьем – гетеросексуальный. Рядом с последним изображены две стоящие в рост человеческие фигуры со скрещенными в молитве руками. Над головами первых изображен поймавший добычу зверь, похожий на волка.

На втором камне также имеется два изображения гомосексуального акта. Кроме того, на этом же камне имеются изображения многочисленных животных и зверей. Среди которых лев, собаки, олени, и бык.

На третьем камне изображены три гетеросексуальных акта, мужчина держащий палку (дубину) в поднятой над головой руке, стоящая в рост женщина в молитвенной позе и фрагменты стершихся фигур животных и людей.

Надо сказать, что на всех рисунках сексуальный акт происходит в сидячей позе. В гетеросексуальных сценах партнерша сидит на коленях партнера и обращена лицом к нему, а в гомосексуальных – пассивный партнер сидит на коленях активного, повернувшись к нему спиной.

Присутствие в изображенных сценах гомосексуальных актов ставит под сомнение гипотезу И. Алиева об отражении в них шумерской мистерии «священного брака». С другой стороны, не следует забывать, что шумерский миф отражает иную социокультурную и мифопоэтическую среду, которая была свойственна классовым обществам древневосточных цивилизаций. В начале эпохи железа на Апшероне еще только начинался распад родового строя и де-факто не обнаружены элементы культурной среды подобной шумерской.

Для реконструкции среды, в которой возникли и функционировали апшеронские петроглифы, следует исходить из материальных артефактов, раскрывающих характер, уровень и содержание хозяйственной жизни,

этнического субстрата, а также идеологии, обрядовой и ритуальной практики местных племен первой половины I тыс. до н.э.

Здесь уместно напомнить, что найденные петроглифы не единичный случай обнаружения сексуальных сюжетов в обрядовой и погребальной культуре. Так, на керамическом кувшине (античный период кавказской Албании) из погребального инвентаря курганной могилы из раскопок Мингячевира, имеется хотя и условное, но довольно однозначно «прочитаемое» изображение сексуального акта. Магическое значение и роль этого знака-изображения в контексте смерти и проводов в мир иной обусловлены тем, что керамический инвентарь могильников, как правило, изготавливался специально для обряда захоронения.

Возвращаясь к вопросу об апшеронской историко-культурной среде, следует констатировать что обнаруженные в результате местных раскопок артефакты позволили все тем же археологам прийти к следующему важному выводу: «В начале эпохи железа Апшерон был вовлечен в поток событий, охвативший Азербайджан и сопредельные регионы. Местное общество в своем историческом развитии находилось на грани разложения первобытнообщинного строя. На Кавказ с севера проникали киммерийцы, а за ними скифы. Эти политические события нарушили внутреннее развитие местных племен Азербайджана и Кавказа» [4, с. 11].

Сказанное позволяет сделать однозначный вывод о том, что в первой половине I тыс. до н.э. на территории Апшерона, да и всего южного Кавказа, формировалась новая тюркская этническая общность, которая в дальнейшем станет преобладающей на этой территории. А если учесть, что эта новая общность в дальнейшем составит основу формировавшегося Албанского племенного союза, то становится ясным, что культурную среду содержания апшеронских петроглифов следует искать в религии, идеологии и обрядах этнических субстратов Кавказской Албании, ядро которого составляли тюркские племена. Уместно напомнить, что апшеронская топонимика до сих пор хранит названия некоторых из этих племен, среди которых Маштага (Мастага) - массагеты, Мардакян - марды, Тюркан - тюрки, Хазар – хазары, Каспий – каспии и др.

Автохтонным источником о религии и обрядах язычников – албан является «История Албании» Моисея Каланкатуйского (VII век). Негативное отношение христианского по вере историка, тем не менее,

позволяет провести совершенно четкие параллели между его описанием некоторых религиозных обрядов тюрков-язычников и содержанием сюжетов петроглифов из святилища стоянки «Бендюстю».

В 40-й главе «Истории Албании», которая называется: «Епископ Исраэл проповедями своими обращает гуннов в веру христианскую. Увидев чудеса, они покорно внимают ему», Моисей Каланкатуйский пишет: «Преданный сатане, народ этот, охваченный заблуждением поклонения дереву, по северной холодной глупости своей вздорные и ложные верования, скверные языческие обряды свои считал выше [других]. Если громогласное огненное сверкание молнии, обжигающий эфир, поражал человека или другое животное, то они считали, что это жертва, посвященная богу Куару, и служили ему. И еще почитаемому ими идолу какому-то, огромному и безобразному богу Тенгри-хану.

Не имея вовсе здравого суждения, они предавались всяким заблуждениям. Трубили [в трубы] и били в барабаны над трупами, ножом или кинжалом делали кровоточащие надрезы на своих щеках, на руках и ногах. То было адское зрелище, когда совершенно нагие мужчины – муж за мужем и отряд за отрядом – бились мечами на ристалище у могил. Многочисленные толпы людей состязались друг с другом, а после предавались разврату и скакали на лошадях то в ту, то в другую сторону. Кто плакал и рыдал, а кто забавлялся по дьявольскому обычаю своему. Они забавлялись, резвились, пускались в пляски и предаваясь скверным поступкам, погружались в мрачную мерзость, ибо были лишены света Творца» [8, с. 156].

Подобное описанному М. Каланкатуйским происходило и в языческой Руси, обрядность которых имеет массу параллелей с тюркскими языческими. Вот что пишет игумен Памфил (конец XV – нач. XVI в.) в своем послании наместнику великого князя в Пскове по поводу языческих обрядов славян в ночь «Ивана Купалы»: «Мало не весь град взметётся и взбесится, стучат бубны и глас сопелий и гудут струны, жёнам же и девам плескание и плясание, главам их накивание, устам их неприязнен клич и вопль, всесквернённые песни, бесовская угодия свершахуся, и хребтом их вихляние, и ногам их скакание и топтание; ту же есть мужем же и отроком великое прелщение и падение, но яко на женское и девическое шатание блудное им възърение, такоже и жёнам мужатым беззаконное осквернение и девам растление» [13].

Описание схожих обрядов у ранних тюрков имеется и у арабского путешественника Ибн Фадлана (10 в.) в его Записке (Рисале) «О путешествии на Волгу» [14].

В античную эпоху сведения о таких обрядах скифских племен дает Геродот в своей «Истории» и Страбон в своей «Географии». Но во всех перечисленных источниках имеется лишь этнографическое описание практики обряда или присутствует его религиозная критика, без прояснения сути и цели действа.

Сравнение описаний в письменных источниках с изображенными действиями на петроглифах с большой долей вероятности позволяет констатировать сходство мотивов и сюжетов. По сути, источники описывают «картину», весьма похожую на то, что мы видим и в дюбендинских петроглифах. Разница лишь в том, что автор петроглифов создал не описание обряда, а его магический знак, изобразив кульминацию акта.

Описания подобного обряда у скифских племен имеется и в древних источниках, в «Истории» Геродота и «Географии» Страбона. Но во всех перечисленных источниках дается лишь этнографическое описание или религиозная критика, без объяснения сути и цели обряда.

В эпоху древности и языческого средневековья сексуальные оргии являлись кульминационным элементом некоторых обрядов, обусловленных сменой природных циклов и усилением плодородия. Магическое транслирование сексуальной энергии на дух и силу плодородия, да и сам физически совершаемый обрядовый сексуальный акт, по мнению древних, должны были восполнить силу духа жизни, а заодно и де-факто зачать новые жизни. Каждая смерть соплеменника воспринималась как ослабление духа жизни (*кут* – как говорили скифы). Массовые сексуальные действия должны были способствовать восполнению энергии жизни и сохранению «космического баланса» между жизнью и смертью. Особенно рьяно этот обряд выполнялся при похоронах молодого, не успевшего жениться соплеменника. Кстати, пережитки этого обряда сохраняются и поныне в некоторых регионах Азербайджана. Похороны молодого, неженатого юноши (сына) содержат в себе откровенную двойственность с рудиментами свадьбы и похорон одновременно.

Ритуал обряда захоронения у некоторых племен эпохи древности строился на диалектически воспринимавшейся последовательности циклов «жизнь» – «смерть» – «жизнь». Жизнь порождает смерть, а та в свою оче-

редь, снова порождает жизнь. По сути, эта диалектика является самым основным и устойчивым «законом вечной жизни». Основополагающие обряды, такие как свадьба, жертвоприношение и похороны содержат в себе элементы вселенского принципа сохранения баланса между жизнью и смертью. Космический порядок жизни предполагал циклическое повторение последовательности этапов от начала жизни и до смерти. Человек не придумал эту последовательность и цикличность, он лишь осознал ее, наблюдая за животным и растительным миром, наблюдая за превращениями таких первоэлементов жизни как вода, огонь, земля и воздух и наконец, за деятельностью могущественных природных стихий.

Сексуальные и эротические ритуалы, в том числе и как компонент погребального обряда были у многих племен и народов, находящихся на архаической стадии исторического и культурного развития. При отсутствии моральных запретов, табуированных гораздо позже как «разврат», «грех» или «содомия», древние люди воспринимали себя как часть природы, в которой они жили. Пытаясь выжить и сохранить себя как форма жизни, они просто и не стеснясь, подражали дикой природе, повторяя ее в своих действиях, как это делают дети, не осознающие мотивов взрослых, но повторяющих их действия.

Таким образом, эротические сюжеты апшеронских петроглифов из древнего святилища Бендюстю представляют собой материализованную энергию желания вечного возобновления жизни. Магическая сила изображенного на стенах этого святилища и сам физический акт его ритуального повторения обеспечивали плодородием и силой жизни, как весь род, так и каждого страждущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асланов Г.М. Археологические раскопки в Апшероне. Сб. Материальная культура Азербайджана т. VI. Баку, 1965.
2. Асланов Г.М. Обряд человеческих жертвоприношений в древнем Азербайджане. Сб. Материальная культура Азербайджана т. VIII. Баку, 1976.
3. Алиев И. Апшерон в системе культур Южного Кавказа. Материалы Международного Симпозиума «Азербайджан – страна, связывающая Восток и Запад. Обмен знаниями и технологиями в период «первой глобализации» VII-IV тыс. до н.э. Баку, 2009.

4. Алиев И. Апшерон в эпоху бронзы и раннего железа. Автореферат диссертации. Баку 1993.
5. Алиев И. Петроглифы Апшерона. Материалы Международного семинара «Диалог на заре человечества». Баку, 2004
6. Алиев И. Апшеронские откровения (наскальное искусство). Баку, 2009.
7. Алиев И. Археологические работы на Апшероне. Археологические исследования в Азербайджане. 2010/. Баку, 2011,
8. Каланкатуйский Моисей. История Агван. Баку: Елм. 1993 (на азерб. яз).
9. Кляшторный С. Г. Моисей Каланкатуйский о верованиях древнетюркских племен // Историко-филологический журнал. Ереван, 1999. № 1.
10. Фрезер Д.Д. Золотая ветвь М.: Политиздат, 1980
11. Элиаде М. Священное и мирское М.: Изд-во МГУ, 1994.
12. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Санкт-Петербург. 1995
13. Серебрянский Н. И. Очерки по истории монастырской жизни в псковской земле: С критико-библиографическим обзором литературы и источников по истории Псковского монашества/ М. : Синодальная Типография, 1908. - 586 с.
14. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Издательство Академии наук СССР. М. 1939.

Ключевые слова: обрядовый секс, ритуал, Абшерон, петроглифы, космический баланс между жизнью и смертью.

Telman İbrahimov (Azərbaycan)

Mərasim yaxınlıq aktı həyat ilə ölüm arasında kosmik balansın bərpa olunması təsəvvürləri kimi (E.ə. II-I minilliklər Abşeron petroqlifləri süjetlərinin interpretasiya təcrübəsi)

Hələ XX əsrin ortalarında Abşeron ərazisində (Azərbaycan Respublikası) yaxınlıq aktı səhnələri təsvir olunan unikal petroqliflər tapılmışdır. Petroqliflər gec tunc və erkən dəmir dövrlərinə aid olub (e.ə. II-I minilliklər) Bəndüstü yaşayış yerindəki (Şüvəlan qəsəbəsi) qədim məbədin hörgü daşları üzərində aşkar edilmişdir. Təsvirlər həm heteroseksual, həm də homoseksual aktları əks etdirir. Təsvir olunan süjetlərin yerləşdiyi ərazinin, tarixi-mədəni mühitin

və ibtidai icma quruluşu adətlərinin təhlili onların mərasim xarakteri daşması qənaətinə gəlməyə əsas verir.

Açar sözlər: mərasim yaxınlıq aktı, mərasim, Abşeron, petroqliflər, həyat ilə ölüm arasında kosmik balans.

Telman Ibrahimov (Azerbaijan)

Ceremonial sexual act as restoring of space balance between life and death (interpretation experience of plots of Absheron petroglyphs of II-I thous. B.C.)

Rare petroglyphs with images of sexual scenes were observed in Absheron territory (Azerbaijan Republic) in the middle of XX century. Petroglyphs belonged to Late Bronze Age and Early Iron Age (II-I thous. B.C.) and were discovered on laying stones of hieratic sanctuary in Bendustu stand (Shuvelan village). Sexual scenes reflect both heterosexual and homosexual acts. Analysis of location conditions, historical and cultural environment and primitive ritualism allowed to come to conclusion about ceremonial character of imaged plots.

Keywords: ceremonial sex, ritual, Absheron, petroglyphs, space balance between life